

зику Писарева и какую-нибудь физиологию”.

Иногда говорят, что серьёзный интерес к христианству и православию формируется в сознании Достоевского именно после острога, тогда же складывается у него свойственный ему особенный патриотизм, вера и убеждение, что русскому народу предстоит великое будущее, суждено сыграть особую роль в судьбах человечества. Конечно, именно на каторге писателю пришлось существовать бок о бок с простыми людьми, общаться с ними особенно плотно. Позже, в «Дневнике писателя» за 1876 год, Достоевский помещает небольшую повесть-воспоминание «Мужик Марей», где передаёт случай, произошедший с ним в детстве, когда простой мужик, пахарь, крепостной его отца успокоил и поддержал маленького барчонка, которому почудилось, что где-то рядом — волк. Важно, что этот случай припомнился Достоевскому не во время шумной, богемной жизни в Петербурге, а именно тогда, в остроге, когда после праздника каторжники, напившись, избивали до полусмерти одного из своих товарищей по несчастью. Один политический ссыльный сказал по-французски: «Ненавижу этих разбойников!» Вот тут-то и вспомнился писателю случай из детства. Эта глава из «Дневника писателя», безусловно являясь программной, обозначает отношение автора и к народу русскому, и к его вере. Рассуждений о православной вере в «Дневнике писателя» много, православное христианство противопоставляется постоянно протестантизму и католицизму как вера истинная, за которой будущее и спасение человечества.

Однако по-настоящему настойчиво и много о русском православии Достоевский стал писать далеко не сразу после каторги. Были написаны два больших романа — «Униженные и оскорблённые» и «Преступление и наказание», крупные повести — «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково», роман «Игрок», биографическая книга о каторге «Записки из мёртвого дома». Во всех этих произведениях не так много и не так резко говорится о величии русского народа и тем более о православной вере. В журналах, издаваемых Достоевским совместно с братом, религиозная тема почти не затрагивалась. Близкий в то время писателю Н.Н. Страхов вспоминал: «Из наших частных разговоров мне не припоминается почти ни одного случая, когда бы Фёдор Михайлович прямо высказал то религиозное настроение, которое, по-видимому, не угасало в нём ни на один год жизни». Правда, во время тесного общения и совместной работы в журнале с критиком славянофильской («почвеннической») ориентации Аполлоном Григорьевым было много разговоров об особом характере русского человека, его способности впи-

тывать синтетически всё лучшее, чего достигла Европа, о том, что именно в простом человеке, а не в европейски образованной элите надо искать опору («почву»), но всё же разговоров о вере, о Христе сравнительно мало.

Всерьёз Достоевский заговорил о православии в романе «Идиот», написанном через пятнадцать лет после каторги. Далее в оставшихся трёх романах — «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» — эта тема звучит настойчиво и в качестве одного из идейно важнейших героев фигурирует монах, старец (кроме «Идиота», где эту роль берёт на себя сам главный герой). Добавим, что в 1873 году начинает выходить периодическое издание «Дневник писателя», где религиозные вопросы постоянно ставятся автором. Вполне естественно предположить, что поворот Достоевского к идеям православия и народности усиливается не после каторги, но во время длительного четырёхлетнего пребывания за границей с 1867 по 1871 год.

Наверное, можно говорить, что религиозность Достоевского постоянно усиливалась. Влияние на писателя оказал, помимо заграницы, целый ряд событий, таких, как несостоявшаяся казнь, каторга, почти одновременная смерть горячо любимого брата и первой жены (отношения с ней в последние годы нельзя было назвать простыми, но она всегда оставалась в жизни писателя близким, важным для него человеком), вторая женитьба, создание семьи, рождение детей.

Первое, полное глубоких раздумий высказывание о христианской вере появилось именно вскоре после выхода с каторги. Мы находим его в письме к той самой Фонвизинной, которая подарила писателю столь дорогую для него книгу. Фрагмент из этого письма иной раз приводят как доказательство безусловной религиозности Достоевского, но между тем легко увидеть, что помимо утверждения веры, в нём речь идёт и о страшных сомнениях.

«Я слышал от многих, что Вы очень религиозны, Наталья Дмитриевна. Не потому, что Вы религиозны, но потому, что сам пережил и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как «трава иссохшая», веры, и находишь её, собственно потому, что в несчастье яснее истина. Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, сим-